

ОЛЕГ ФЕДОСОВ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ, УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л.ЭТВЕША
БУДАПЕШТ, ВЕНГРИЯ
fedhod@mail.datanet.hu
<https://doi.org/10.17234/9789531755139.6>

ВОШЬ НА АРКАНЕ, БЛОХА НА ЦЕПИ (ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЗООНИМНЫХ ФРАЗЕМ)

В статье будут рассматриваться русские зоонимные фраземы с компонентами *вошь* и *блоха*. Среди древнейших жителей планеты – насекомых – много миллионов лет существуют и кровососущие паразиты *вошь* и *блоха*. Их „телесная близость” к человеческой цивилизации не могла не отразиться во многих фразеологических и паремиологических единицах (ФЕ, ПЕ) русского языка, в прецедентных текстах литературы. В работе ставится вопрос о том, какой спецификой обладают внутренние формы ФЕ с данными компонентами, влияет ли образ *паразита* на формирование актуального значения в современном дискурсе. Русский фразеологический материал будет рассматриваться на фоне других языков, славянских и неславянских параллелей.

Ключевые слова: *зоонимы, паразиты и люди, внутренняя форма фразем, актуальное значение ФЕ*

1. ЗООНИМЫ во ФРАЗЕОЛОГИИ

Европейское сообщество, полноправным членом которого стала в прошлом году Хорватия, объявило наступивший период научных разработок декадой исследования мозга. Конечно же, наша научная область – лингвистика и фразеология – не могут конкурировать в деле изучения мозга с медициной. Но мы изучаем одну из основных деятельностей мозга, человеческой психики – деятельность речевую. Тайны языка познаются медленно, с большими трудностями, так как мы изучаем язык с помощью того же самого языка, и предмет нашей науки нельзя разглядеть под самым совершенным микроскопом.

Фразеология за последние 50 лет превратилась в одну из наиболее продуктивных „лабораторий” лингвистики. Мы изучаем ту область языка, которая, благодаря своей особенности, позволяет заглянуть в самую „кухню” языковых процессов и речевой деятельности. Фразеология и идиоматика – это универсальная аномалия языка и речи, без которой ни один язык функционировать не может.

Тематика конференции позволяет коснуться области древнейших и важнейших отношений на этой планете: отношений человеческой цивилизации с миром животных. Животные дикие и домашние, например, *волк* и *овца*, *лев* или *коза* – очевидно, это первое, что приходит в голову любому человеку при обращении к данной теме. Но задолго до появления на Земле людей, волков и овец ее уже населяли другие живые организмы – насекомые. Человека связывают

с ними давние отношения. Например, пчеловодство и разведение шелкопрядов относятся к древнейшим ремеслам.

Есть, однако, насекомые, польза от которых весьма сомнительна, а вред, наносимый ими, может быть огромен. Это – **паразиты**, среди которых хорошо известные всем временам и народам мелкие кровососы: **блоха** и **вошь**. Именно им, вернее их роли в русской фразеологии, будет посвящена настоящая работа.

Русский язык, как и любой другой, располагает богатейшим набором зоофразем. Среди них известные фраземы-интернационализмы:

козел отпущения, первая ласточка, серая мышь, паршивая овца, священная корова, крысы бегут с корабля, взять быка за рога, голодный как волк, лить крокодилы слезы, лебединая песня, страусиная политика, темная лошадка, делать из мухи слона, слон в посудной лавке.

Э. Пирайнен на материале 88 языков провела исследование нескольких сотен идиом со „всемирной карьерой”. Так, например, идиома **жить как кошка с собакой** была обнаружена по крайней мере в 68-ми языках мира из исследованных 74-х европейских и 14-ти неевропейских языков, и входит в первую десятку (!) этого универсального фразеологического фонда (Pirainen 2012: 491). Идиома *голодный как волк* также известна десяткам народов, но вот у немцев и португальцев самым голодным оказывается *медведь*, у кашубцев это *пес* или *борзая* (*bęc głodny jak pies/chart*), а у голландцев - *лошадь* (*honger hebben als een paard*).

Другие идиомы: *стреляный воробей, медвежий угол, отставной козы барабанищик, под мухой, куда Макар телят не гонял, убить бобра, жизнь наша – копейка, судьба – индейка, [– Говорят.] – Кур доят, врать как сивый мерин, послать на хутор бабочек ловить (кого-л.), как собак нерезаных (кого-л./чего-л. где-л./у кого-л.), мозги встали раком (у кого-л.), не пришей кобыле хвост* и т.д. признаются исследователями национально-специфическими, „исконно русскими”, даже если об их „исконности” ведутся иногда споры, и они могут иметь похожие по смыслу эквиваленты в других языках. Такое межязыковое сравнение открывает огромный простор для фразеологических исследований по теме, которую „с легкой руки” М. И. Михельсона вот уже более 120 лет называют СВОЁ и ЧУЖОЕ, или же „национальное и интернациональное во фразеологии”. Характерным примером может послужить известная многим языкам идиома с внутренним образом „иметь/посадить/выгнать блоху, муху, жука, сверчка, паука, таракана, червя в ухо/голову/из головы” в значениях ‘вселить в кого-то сомнения/избавить кого-то от сомнений’ или близким к этому. Например, в хорватском языке это идиомы *staviti (ubaciti) buhu (bubu) u uho komu; imati mušice (muhe, bube, bubice) <u glavi>* (Fink-Arsovski et al. 2003: 35), в немецком *jm einen Floh ins Ohr setzen*, в чешском *nasadit brouka do hlavy/ vyhnat brouka z hlavy*. Интересно то, что русский язык этого образа „почти” не знает, если не считать близкую в некотором смысле идиому *прожужжать все уши* (жужжит обычно какое-то насекомое) со значением ‘упорно повторять что-то и тем самым надоесть окружающим’

(Степанова 2007: 802). Это, однако, не означает, что оригинальный образ „блохи в ухе” непонятен носителю русского языка. В старину он мог появиться у какого-то российского автора просто как калька с немецкого, например:

Надо *запустить* брату *блоху в ухо*. Если им дать теперь потачку, то через десять лет будет конституция. [П.П. Вяземский. Письма и записки Оммер де Гелль (1845)]

В современном языке это выражение приводится как цитата чужой, но понятной по контексту идиомы:

Однако дело было сделано: как говорил Эйнштейн двадцать лет спустя, «... Планк *посадил в ухо* физикам *блоху*», и она не давала им покоя, хотя они и пытались не замечать ее. [Л. Пономарев. Атомы, лучи, кванты // «Химия и жизнь» (1968)]

Тема „своего и чужого”, однако, таит в себе и много опасностей, подводных камней. Определение подлинной этимологии ФЕ – невероятно сложное и кропотливое дело, в котором может помешать эффект „кривого зеркала”, о чем неоднократно предупреждал глава славянской фразеологической комиссии В. М. Мокиенко (Мокиенко 2012: 19-20).

Но на примере зоо-фразем можно проиллюстрировать и непопулярную, даже „кошунственную” в среде фразеологов тему: признание или непризнание т.н. лексических фразем, т.е. фразем, состоящих всего из одной словоформы. Некоторые исследователи, однако, считают, что фразеология существует и на морфологическом уровне (Šermák 2007). Так, международную карьеру сделала зоо-идиома *Katzenjammer*: в чешском она стала непрозрачным дериватом *kocovina*, в венгерском же это композита, которая сохранила только свою первую составную часть, а рядом с *кошкой* (*macska*) на место второго компонента *jammer* (‘горе, несчастье’) попало междометие *jaj - macskajaj*. К однословным ФЕ можно отнести и такие чешские зоо-фраземы, как *knižmol* (*книжная моль* или *книжный червь* = ‘ученый, начитанный человек; буквоед, библиоман’, нем. *Bücherwurm*, англ. *bookworm*), и идиому типа *touchysněžtesimě* (букв.: *мухи, съешьте меня*; значение композиты: ‘мямля, апатичный, вялый, безразличный ко всему человек’, близко русской идиоме: *быть как сонная муха*).

Интересен случай с интернационализмом *козел отпущения* (*Sündenbock*), при том что в немецком языке *Воск* – это и *козел*, и *баран*. Венгерская зоо-идиома аналогичной структуры *bűnbak* является простым словосложением корней *грех* + *козел*. Чешский язык из двух жертвенных альтернатив выбирает не *козла*, а именно *барана*, но чтобы из дословного „жертвенный баран” получилась метафора нужного значения, чешская идиома выбирает компонентом уменьшительное *барашек* – *obětní beránek*. Русская идиома построена на другом компоненте словосо-

четания *отпущение грехов*. Таким образом, языки как бы „экспериментируют” с различными составными элементами: из разных составляющих возникает каждый раз иное соединение, но в нем один и тот же фразеологически закодированный смысл, значение.

Способ употребления идиомы *bűnbak* в венгерском языке показывает, что инвариантным ядром всегда является только сама идиома-композиция, а ее „окружение” вариативно: *bűnbakképzés* – это буквально „создание/сотворение козла отпущения”, *bűnbakszerepbe szorulhat* – дословно „кто-л. может быть втянут в роль козла отпущения” и т.п.

Другим примером может послужить и зоо-идиома библеизм *aranyborjú* (*золотой телец*), приводимая венгерским фразеологическим словарем (Forgács 2003: 34) только в сочетании с глаголами или отглагольными дериватами: *az aranyborjút imádja* (обожает з.т.), *körültáncolja az aranyborjút* (пляшет вокруг з.т.), *tánc az aranyborjú körül* (пляска / танец вокруг з.т.), *az aranyborjú imádata* (обожание з.т.), *tüledni az aranyborjú körül* (толкаться вокруг з.т.), *a költségvetési aranyborjú körüli zsibbasztó tánc* (оцепенелый танец вокруг бюджетного з.т.), *nagyobb részük az aranyborjú körül táncol* (Большая их часть пляшет вокруг з.т.) (к данной теме срав. Федосов 2002а, 2002б).

Из приведенных иллюстраций следует, что как предмет для исследования зоонимная фразеология может изучать разнообразные диахронные или синхронные аспекты, любую фразеологическую проблематику. Важно не то, какой конкретный компонент (соматизм или зооним), какой тип ФЕ (идиома, поговорка, речевая формула и т.д.) становится объектом исследования фразеолога, а ясное осознание того, что изучая фразеологию лингвистика изучает такую аномальную область языка, которая является при этом необходимой и универсальной для всех языков составной частью их лексикона.

2. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Однако, *вернемся к нашим баранам*, т.е. к нашим *блохам* и *вошам*. Вопрос, на который мы будем искать ответ, можно сформулировать так: какое знание носителей языка об этих паразитах – научное или наивное – отражено во внутренней форме ФЕ, и как влияет эта внутренняя форма на формирование актуального значения данных фразем и идиом.

Слова *блоха* и *вошь* как прозрачные компоненты многих русских ФЕ и ПЕ понятны современному носителю русского языка и в том случае, если он (в сегодняшних благоприятных санитарных условиях) никогда „близко” не общался с этими насекомыми. Мы, очевидно, даже с трудом себе представляем, как они выглядят. (Этого, к сожалению, нельзя сказать о представителях того поколения, которое пережило, например, Вторую мировую войну, фронтовые условия, блокаду или концентрационные лагеря.) Рядовой носитель русского языка также не должен ничего знать о древнейшем происхождении самих лексем *блоха* и *вошь*: в любом этимологическом словаре славянских языков мы

найдем подробную информацию об источниках и параллелях. Так, например, выглядит этимология БЛОХИ (срав. и в Machek 1997: 56):

Происходит от праслав. ***вльхà**, от кот. в числе прочего произошли: др.-русск. *блѣха*, укр. *блoхá*, болг. *бълхá*, серб. *бѹха* и хорв. *буha*, словенск. *bólha*, чешск., словацк. *blecha*, польск. *pchła*, в.-луж. *pcha*. Родственно лит. *blusà*, латышск. *blusa*, афг. *vraža* «блоха» (из др.-ир. **brušā*), армянск. *lu* (род. п. *lvoյ*) «блоха» (из **bhlusā*, там же), др.-греч. *ψύλλα*, *ψύλλος* «блоха». Несколько дальше алб. *plesh* «блоха» из **pleust-*. (Использованы данные электронной версии словаря М. Фасмера)

Универсальность названий этих паразитов подтверждает и то, что слово *вошь* (вообще вшей в природе более 500 видов) находится на „почетном месте” и в 200-словном *списке Сводеша* (англ. *Swadesh list*), т.е. в минимальном (по мнению ученого) наборе важнейшей, „стержневой” лексики, служащей для определения родства языков. Очевидно, это оправдано, т.к. и всеведущая *Википедия* сообщает, что *вши* были обнаружены уже и в оперении птицы, которая жила 44 миллиона лет назад.

3. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ

Научное знание об этих насекомых представляет собой огромный комплекс сведений и фактов из разных областей науки (напр.: этнологии, эпидемиологии). Но в индивидуальное знание не-специалиста сегодня могут войти разве что некоторые интересные факты или популярные сведения о предмете.

Например, автор книги «Шестиногие солдаты» Д. Локвуд рассказывает множество захватывающих историй о том, как использовались насекомые и паразиты в качестве *энтомологического оружия*.

Возьмем хотя бы пример «пчелиных бомб». Пчелиные ульи, сброшенные со стен крепостей и замков, или заброшенные катапультой к защитникам, многие века служили таким оружием. Во время крестового похода этим методом активно пользовался Ричард Львиное Сердце. Пчел использовал австрийский герцог Альбрехт I. при попытке взять штурмом венгерскую крепость Неметуйвар. В XVI веке этот же способ обороны использовали венгры, когда турки осаждали Сикешфехирвар, мавры при помощи пчел обратили в бегство солдат португальского короля. В XVIII веке австрийская и турецкая армии неоднократно сходились в бою за Белград. Однажды, когда турки выступали в роли осаждающих, им удалось разрушить участок городских стен, и они почти ворвались в город, но путь им преградила баррикада из ульев.

Разновидностей *энтомологического оружия* существует много. Когда же стало понятно, что насекомые ответственны за передачу от человека к человеку возбудителей многих опасных болезней (малярии, тифа, **чумы**, лат. *pestis* – за-

раза, “чёрная смерть”), возникла мысль массово засылать таких насекомых к противнику, вызывая эпидемии. Уже в 1346 г. в Крыму войско монгольского хана Джанибека осаждало генуэзцев в Каффе (ныне Феодосия). Когда в монгольском войске началась эпидемия чумы, хан приказал забрасывать трупы умерших в крепость при помощи катапульта. Так болезнь проникла и к осажденным. Поскольку переносчиками чумы служат именно *блохи*, Локвуд считает, что в данном случае монголами было применено энтомологическое оружие.

В науке существует много гипотез о том, когда чума впервые проникла в Европу. В 544 году н.э. жителей Константинополя губила новая болезнь. Впервые она была отмечена в африканском городе Пелузии в дельте Нила. Хлебные поля Египта кормили Константинополь. На кораблях, доставлявших зерно, плыли и *блохи* – переносчики бактерий **чумы**. Эта эпидемия вошла в историю под названием *Юстинианова чума*, а из Константинополя болезнь распространилась по всей Европе, где эпидемии чумы впоследствии унесли жизни от 25 до 50 миллионов человек. В ходе Второй мировой войны японскими вооружёнными силами были разработаны образцы биологического оружия, предназначенного для массового сброса специально подготовленного носителя чумы – *инфицированных блох* (источник: http://polit.ru/article/2014/03/01/ps_insect2/).

Виш также являлись постоянными спутниками стихийных и социальных бедствий. Эпидемии **тифа**, переносимого вшами, уносили в прежние времена множество жизней. Только в Русско-турецкую войну 1768–1774 гг. от сыпного тифа погибло больше людей, чем от ран, полученных в сражениях. Та же участь постигла и солдат во время венгерской войны за независимость 1848–1849 гг.: от тифа погибло больше солдат, чем от пуль и штыков австрийских и русских гренадеров.

А вот тема скорее забавная: в Европе в эпоху барокко, в XVI–XVII веках, был в ходу интересный предмет – **блохоловка**. Она представляла собой маленькую коробочку с прорезями, которую дворяне носили на теле для борьбы с блохами. В то время даже высшие круги общества редко мыли тело, поскольку часто мыться считалось вредным для здоровья и неблагочестивым занятием. Блохоловки обычно изготавливались из слоновой кости, вовнутрь в качестве приманки клали кусочек ткани, пропитанный мёдом, кровью или смолой, к которым и прилипали блохи. Такие блохоловки носили под одеждой, под париками и даже в декольте.

Для борьбы с блохами использовался также **блошинный мех**, который вошёл в моду в позднее Средневековье. Известно, что блохи любят тонкошерстный мех, поэтому дворяне часто использовали в одежде мех горностая, соболя или куницы для приманки на него блох. Очевидно, это старый способ „общения с блохами” и нашел отражение в тексте одного из известнейших музыкальных произведений в России, исполнявшегося знаменитым Фёдором Шаляпиным, в песне Мефистофеля „Блоха” композитора М. П. Мусоргского, на слова В. И. Гёте (в русском переводе):

Жил-был король, когда-то при нём блоха жила.

Блоха, блоха.

Милей родного брата она ему была.

Ха-ха-ха-ха-ха блоха. <...>

Зовёт король портного: „Послушай ты, чурбан,

Для друга дорогого сшей бархатный кафтан”.

Блохе, да да хе-хе-хе-хе-хе блохе.

Хе-хе-хе-хе-хе кафтан,

Ха-ха-ха-ха-ха-ха,

Ха-ха-ха блохе кафтан.

Только вместо меха король, очевидно, из экономии, обошелся бархатом...

К области энциклопедических знаний может относиться и более специальная информация, в частности, фольклорного характера. *Блохи* и *вши* присутствуют в верованиях многих древних народов, например, в китайских мифах о сотворении людей. Они нашли своё отражение в пословицах, поговорках и сказках. Например, по украинским и белорусским поверьям вшей выпросили у Бога женщины, которые от скуки не знали, чем бы ещё заняться. Увидеть во сне вошь у одних народов означало всяческие беды, неприятности и печаль, а по славянским суевериям, напротив, вши снились к деньгам и богатству.

Все эти и многие подобные внеязыковые (научные или даже псевдонаучные) знания, конечно же, расширяют наше представление о мире. Но существует и другое знание – т.н. языковая картина мира. Составной частью этой картины является, несомненно, и русский языковой образ *блех* и *вшеи*. Каков же он?

4. ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ БЛОХИ И ВШИ

При первом взгляде на предмет может показаться, что в этой „наивной” картине элементами значений слов *блоха* и *вошь* являются достаточно простые общие представления: это нечто мелкое, досадливое, неприятное или отвратительное, вредное и подчас даже опасное, достойное разве что презрения и уничтожения. Кроме того, блохи – очень быстрые, а вши, наоборот, очень медленные.

В основном именно на этих „наивных”, а не научных представлениях основаны и толкования существительных *блоха* и *вошь* (и производных от них лексем) в современных словарях, и „завязанные” на них значения в приводимых словарями ФЕ. Например, в *Большом толковом словаре* С. А. Кузнецова (БТС 2004: 85, 154) приводится следующая информация:

БЛОХА

1. Мелкое кровососущее прыгающее насекомое-паразит: *вычёсывать* у *собаки блох*.
2. В составе названий разных мелких насекомых: *травяная блоха*.
3. *Бранно. О ничтожном, презираемом кем-л. человеке.*
Какая б. тебя укусила? Прыгать, как б.

ловить/выискивать блох = Обращать внимание на мелочи, несущественные недостатки.

◊ *Блоху подковать* = Virtuozно справиться с очень тонкой и сложной работой (ФЕ).

ВОШЬ (ВША разг.)

1. Мелкое бескрылое кровососущее насекомое, паразитирующее на теле человека и животных: *вычёсывать вшей*.

Кормить вшей 1) подвергаться укусам; 2) жить в тяжелых, губительных для здоровья условиях (на фронте, в лагере); *тифозная вошь*.

**Вошь на аркане, блоха на цепи* (погов.: об очень бедном человеке).

2. Разг.-сниж. **О ничтожном, презируемом человеке.**

В этих двух словарных дефинициях обратим особое внимание на третье (у БЛОХИ) и второе (у ВШИ) – общее по мнению составителей словаря – метафорическое значение ('ничтожный, презируемый человек' – выделено нами: О.Ф.). В дальнейшем мы покажем, что для слова БЛОХА такое толкование переносного значения некорректно. Мы укажем на причины этого лексикографического заблуждения, что имеет прямое отношение к теме нашего исследования.

Словарь приводит лишь один фразеологизм в статье БЛОХА в „заромбовой” части, но вот в статье ВОШЬ такой части просто нет, хотя новые специальные словари справедливо считают, например, выражение *кормить вшей* идиомой (Степанова 2007: 100).

Так, в романе Льва Толстого „Воскресение” имеется контекст:

Легко ли: отбил жену у малого, да его же *вшей кормить засадил* и меня туды ж на старости лет, – начала она в сотый раз рассказывать свою историю. — От тюрьмы да от сумы, видно, не отказывайся. (Л. Н. Толстой. Воскресение. 1899)

(здесь и далее примеры приводятся из базы НКРЯ: www.ruscorpora.ru) – *вшей кормить засадил* здесь имеет значение 'сделал так, чтобы кто-то попал в тюрьму'. Дело здесь, конечно же, не в критике словаря (или словарей), ведь словарь – это „искусство возможного”, а о принципиальных проблемах описания лексики и фразеологии.

Фразеологический статус надо признать и за такими устойчивыми словосочетаниями, как: *блоха укусила* ('вести себя странно, неадекватно ситуации'); *блох ловить / выискивать* ('придираться к мелочам, недостаткам'); *прыгать / скакать, как блоха* (о поведении человека); *блошинные укусы* (о придирках, напаках); *блошинный рынок* ('барахолка', 'толкучка'), *проверка на вшивость, проверять / проверить на вшивость* кого ('испытать кого-то на честность, надёжность').

Отдельного внимания заслуживает прилагательное *вшивый*, которое сегодня участвует в создании целого ряда разнообразных неидиоматичных (не фиксированных в узусе), но часто экспрессивных выражений, подчас достаточно ярких метафор, например: *вшивая команда*, *вшивый либерализм*, *вшивая интеллигенция*, *вшивая аристократия*, *вшивый стольник* (здесь *стольник* = сто рублей), *вшивая душа* и т.д., напр.:

Марютка уперлась ладонями в бедра. Выбросила: – У их, может, *тело завшивели*, а у тебя *душа насквозь вшивая!* стыдоба меня берет, что с таким связалась. Слизняк ты, мокрица паршивая! [Б. А. Лавренев. Сорок первый (1924)]

Использование этих эпитетов - тропеические переинтерпретации, в основе которых лежит негативное чувство отвращения, брезгливого или презрительного отношения к „завшивленности”, исходящее из реального (горького, часто трагичного) векового опыта человечества, и даже из опыта еще живущих сегодня поколений, срав.:

И если раньше всех возвращающихся с работы тщательно обыскивали, то теперь обыскивали кое-как, с ленцой, *с отвращением: противно прикасаться* к этим *вшивым*, покрытым язвами существам, даже *смотреть на них тошно*, особенно сейчас, в апреле, когда томительное весеннее солнце горячит кровь, тянет на травку, к выпивке, мимо едут в отпуск солдаты с трофеями, с русским барахлом, с железными крестами, а ты тут ковыряйся в дерьме и вони. [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)] Как-то перед вечером в запертом товарном вагоне эшелона, стоявшего на запасных путях какой-то узловой станции недалеко от Киева, *она искала вшей* в вороте своей гимнастёрки, а рядом две пожилые женщины быстро, негромко говорили по-еврейски <...> „Кто же действительно, по-настоящему – я, я, я? – думала Софья Осиповна. – Та куца, сопливая, которая боялась папы и бабушки, или та толстая, вспльчивая, со шпалами на вороте, или вот эта, *пархатая, вшивая?*” Желание счастья ушло, но появилось множество мечтаний: *убить вшей...* добраться до щёлки и подышать воздухом... помочиться... помыть хотя бы одну ногу... и желание, жившее во всём теле, – пить. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]

В современном дискурсе эти ассоциации, очевидно, постепенно утрачиваются, образ реальной „вшивости” как бы выветривается, т.е. в семантической структуре этого прилагательного внутренний образ опустошается до некоего абстрактного значения ‚зла’ (так, *вшивым* может представляться и плохое правительство, или наркомания):

Для народа это очень хороший способ отвергнуть *вшивое*, коррумпированное и криминальное *правительство*. [Ольга Власова. Пора извлекать уроки (2004) // «Эксперт», 2004.12.06]

Но вольный дух странствий – это вам не какая-нибудь там *вшивая героиновая зависимость*. [Татьяна Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть (2011)]

Другая ситуация прослеживается в отношении употребления прилагательного *блошинный*. Известное не только русскому языку выражение *блошинный рынок* (в венгерском, например, это опять композита *bolhapiac*) имеет скорее шуточный „терминологический” характер, его экспрессивность и пейоративность не столь высоки (носители языка вряд ли „вкладывают чувства” в его использование). Прилагательное вполне допустимо в контексте языковой игры, в анекдоте, который явно не вызовет неприятных эмоций:

Говорят, что *блошинный цирк* обанкротился. – Да, главная актриса сбежала вместе с пуделем. [Коллекция анекдотов: абстрактный анекдот (1970–2000)]

В другой анекдотической ситуации и сама *блоха* служит источником юмора:
- Мужчина, уберите собаку, а то по мне уже *блохи* ползают! – Тузик, отойди, не видишь – у женщины *блохи*!

(Заметим, что рассказчик анекдота не придает значение незнанию особенностей поведения этих насекомых: блохи у него *ползают*, в то время, как им надо *прыгать*; ползают медленные вши.) На игре слов базируется и Рунетовская шутка о том, что (тогда еще) президент Д. Медведев „*блох в свитере завел*” (т.е. блог в Твиттере завел), демонстрирующая, что от трагичного (*завишвлeнная гимнастерка военнопленного*) до смешного часто один шаг.

Статус отдельных словосочетаний с прилагательным *блошинный* определить не так просто: от явной идиоматической переинтерпретации (*блошинный* = малый вес) до двусмысленности значения (реальные укусы или чьи-то мелкие придирки портили кому-то здоровье?) - шкала использования широка:

Вспомним *блошинный вес*, над которым ломал голову Рэлей, или загадочный крохотный пузырек в опытах Кавендиша. [М. П. Бронштейн. Солнечное вещество (1936)]

Свои недомогания и потерю здоровья он приписывал почему-то *блошиным укусам*. [М. М. Зощенко. Возвращенная молодость (1933)]

Ужасный дом этот лихорадило; он уже не примечал событий, но только бредовую, *блошиную скачку* вещей, закрутившихся в буревом смерче... [Л. М. Леонов. Скутаревский (1930-1932)]

На примере *блошинный вес* можно хорошо проиллюстрировать и различие между энциклопедическим и наивным знанием: каков в действительности вес

блохи? Носителю языка при использовании данного выражения это совсем неважно, достаточно смутное знание факта, что блоха очень мала и вес ее наверняка незначителен. Научное знание иное (даже если входит в текст литературного произведения):

Шесть миллиграммов — вес небольшой. Это *вес блохи*. Рэлей снова взвесил азот воздуха и азот аммиака, и его точные весы снова показали ту же разницу — шесть миллиграммов. [М. П. Бронштейн. Солнечное вещество (1936)]

5. БЛОХА И ВОШЬ В ПАРЕМИЯХ

В соответствии с концепцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского к фразеологизмам относятся и пословицы, а в составе класса идиом и поговорки (Баранов – Добровольский 2008: 67). При таком подходе и вопрос об общем количестве фразеологических и паремиологических единиц с компонентами *блоха* и *вошь* (и их производными) в русском языке нельзя решить механически. Если сделать свод всех словарно зафиксированных, а также еще не отмеченных словарями, ФЕ с этими лексемами, то их окажется много десятков. В качестве примера приведем список паремий со словом *вошь* (*вошка*) из *Большого словаря русских пословиц*:

Бывает, что и вошь кашляет. Быстрая вошка первая на гребешок попадает. Кабы вошку в сошку (в соху), а блошку в борону, так бы много напахал. Вошь – что заёмный грош: спать /не даёт /долго не даст. Всякая вошь хочет грош. Держись, вошь, своего тулупа! Думал много, да вошь и поймал. Есть вошь, а будет и грош. Жить печалиться – вошь навалится. Изловя вошь, отпустит хошь. Купить – как вошь убить, продать – блоху поймать. Не вошь ест, а гнида точит. Не дивно тому, что вошь в пироге бывает. Не надобно вошь к шубе сажать. Не своя вошь кусает: не знает, где чесать. Не укусывала его своя вошь /блоха. Одна вошь идёт, а за собой сто ведёт. Освоила/присвоила вошь коросту, кобыла – ременный кнут. Виш воду видели, а валёк люди слышали. Не виш едят, а гниды. Осердевшись на виш, да шубу в печь. Осердась/Рассердась на вишей (блох), да (и) шубу в печь. Теми же вишми, да о пол. (БСРП 2010: 159)

Есть несколько пословиц, в которых компонентами становятся имена сразу обоих насекомых. В таком случае неизбежно противопоставление их качеств, послуживших основой образности, напр.: *Блошка говорит: „Ускачу!“ Вошка говорит: „Притаюсь!“* Поэтому и в ПЕ со словом *блоха* (*блошка*) в первую очередь отражены ее „стандартные“ качества – быстрота и „кусачесть“ при малом размере – даже если общий смысл пословицы имеет более абстрактный (отвлеченный) характер: *Не велика блоха, а спать не дает. Просто и блоха не кусает. Прытка блоха, да и та ино в пальцах вязнет. Мелкая блоха злее кусает.* и др. (БСРП 2010: 56).

В русских поговорках эти насекомые несут и такие прототипичные символичные функции, как назойливость, въедливость, надоедливость, бедность, скупость и т.д. Например, внутренний образ поговорки *Скупой из блохи голенище кроит* основан на гиперболе, и имеет параллели в других языках. Здесь блоха с представлением о ее малости (малом размере) становится символом скупости, ведь любому человеку ясно, что из „кожи” блохи сшить (скроить) сапог (его голенище) никак невозможно.

Интересно наличие паремийной параллели к этой поговорке с образом *вши* в неславянском, венгерском языке: *lehúzna a tetűnek a bőré, ha valaki megvenné* (Bárdosi 2003: 349). Ее значение: 'и со вши шкуру/кожу сдерет, если кто-то ее купит'. В чешском языке для выражения смысла скупости использован другой паремийный образ: *Pro grécar by hnal veš po strništi až do Prahy* (букв.: За грош погнал бы вошь по жнивью аж до Праги).

Быстрота движений (прыжков/скачков) блох общеизвестна (*спешка нужна при ловле блох*), поэтому образ блохи стал основой внутренней формы ряда ПЕ чешского и венгерского языков с макро-значением 'прыткость': *Pytel blech neuhlídáš* (букв.: За мешком блох не уследишь); *Lepší se uhlídá pytel blech, než mladé děvče*. (букв.: Легче уследить за мешком блох, чем за молодой девицей); *egy zsák bolhát könnyebb összetartani, mint (vkiket)* (букв.: легче собрать вместе мешок блох, чем кого-то).

Большинство словарно зафиксированных поговорок, естественно, носят устаревший и региональный характер, поэтому сегодня в живой речи они практически не используются (хотя их известность в народных говорах исключить нельзя).

6. „ЖИВЫЕ” ИДИОМЫ С КОМПОНЕНТОМ БЛОХА И ВОШЬ И ИХ ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА

Список же действительно широко употребляемых, „живых” идиом с интересующими нас компонентами в современном русском языке – как это ни странно – достаточно скромнен. Это следующие ФЕ (приводим к каждой из них иллюстрации из НКРЯ):

спешка (поспешность, торопливость, быстрота) нужна (хороша) при ловле блох

В этой ситуации он следовал одному из любимых выражений Крячко – «*спешка нужна только при ловле блох да при расстройстве желудка*». [Николай Леонов. Лекарство от жизни (2001)]

близко и на хромой блохе не подъедешь

Очень просто: даешь, помимо билета, такое задание, к которому *близко и на хромой блохе не подъедешь*. [Алексей Степанов. Взаимозачетка. Три – студенту. Двести – профессору? (2003) // «Новая газета», 2003.01.16]

кто о чем, а вишивый о бане

И чтобы простой работяга за год мог на машину накопить, – вернул Калинин. – А бутылка трешник стоила? – *Кто о чем, а вишивый о бане*, – откомментировали с передних рядов. – А действительно, майор, где еще так живут? – В Европе, – скромно ответил майор. – Хватил! [Олег Дивов. Выбравка (1999)]

смотреть, как солдат на вошь

Это придало новые силы уже изнемогшему было Остапу. Чистосердечный его смех продолжался еще минут десять. Отдышавшись, он сразу сделался очень серьезным. – *Что вы на меня смотрите такими злыми глазами, как солдат на вошь?* Вы на себя посмотрите. – Но ведь мне аптекарь говорил, что это будет радикально-черный цвет. Не смывается ни холодной, ни горячей водой, ни мыльной пеной, ни керосином... [Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев (1927)]

Две из этих фразем включают образ БЛОХИ, а две другие – ВШИ. Не видная на первый взгляд разница в интерпретации этих образов, однако, весьма значительна. Рассмотрим первую в списке фразему. Она достойна внимания сразу по нескольким причинам: во-первых, ее не всегда фиксируют известные русские словари, но частотность этой ФЕ в текстах самого разного стиля достаточно высока; во-вторых, нельзя точно определить, какова природа этой единицы: идиома, пословица или поговорка. Например:

Наверняка, вы знаете **поговорку**: *«Поспешность нужна только при ловле блох!»* [А.Житков. Кафедра (2000)]

Носители языка, авторы текстов в метаязыковых комментариях называют ее по-разному, часто просто как *выражение*, но в отдельных специальных работах она рассматривается именно как пословица (срав. Беликов 2008). Пословичный словарь, однако, фиксирует эту единицу в следующей форме: *Спешить хорошо лишь блох ловить* (БСРП 2010: 56). В-третьих, вариативность этой ФЕ настолько велика, что стабильной синтагмой в современном дискурсе можно считать разве что одно ядро *при ловле блох*, все прочие компоненты вариабильны (например, вместо подлежащего *спешка* могут использоваться существительные *поспешность*, *торопливость*, *быстрота*, а вместо сказуемого *нужна* – *хороша* и др.

Особенно разнообразны варианты идиомы, вынесенной в заглавие настоящей статьи (*Вошь на аркане, блоха на цепи*), где присутствуют сразу два зоонимных

компонента (в последнем варианте и с другим насекомым: *тараканом*). Эти ФЕ имеют значение 'очень бедный человек': *блоха в кармане и вошь на аркане (у кого-л.) / вошь в кармане и блоха на аркане / в одном кармане – блоха на аркане, а в другом – мощи тараканьи*, напр.:

Жаль только, что у его жида *вошь в кармане да блоха на аркане*, а то б я с него за этого кота и сто баксов слупил бы. [Владимир Кунин. Кыся (1998-2000)]

Интересно, что внутренний образ этих ФЕ построен на представлении о малости, ничтожности этих насекомых в абсурдном контрасте с мощностью средства, которым блоху или вошь привязывают (аркан = длинная и толстая веревка с петлей на конце, напр. *заарканить коня*) или приковывают (цепь: *вести быка на цепи*). Блоху надо держать на более мощном средстве привязи – цепи, очевидно, и потому, что она не только более „пряткая” (быстрая), но и сильная: *Мала блошка, да колодой ворочает*. В „отношениях между собой” блоха (по народным представлениям) иерархически выше вши: *Блошка по саду гуляла, вошка кланялась, да блошка чванилась*. Но даже простой карман слишком велик для ничтожных размеров обеих, поэтому такой карман ассоциируется с пустотой, т.е. безденежьем. Это, с другой стороны, противоречит народным представлениям славян о том, что иметь вшей – примета к деньгам (*Есть вошь, а будет и грош*).

На основе данных о более широкой (не только идиоматической) сочетаемости этих ключевых компонентов можно выделить некое семантическое ядро, которое входит во внутреннюю форму ФЕ. Для БЛЮХИ это прежде всего представление о БЫСТРОТЕ движения (быстро прыгать, скакать и т.п.):

И обо всё они судят, *как блохи быстрые*. [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990]

На листе бумаги, заложенном под валик машинки, было отпечатано строк пять *прыгающими, как блохи*, буквами. [Анатолий Ким. Белка (1984)]

Мария Владимировна, я хочу к вам *заскочить*. – Алла, *вы что, блоха, чтоб заскакивать?* Это только *блохи скачут*. [Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001)]

Вы *бегаετε, словно блох из себя вытрясаете*. [Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта (2000-2004)]

Кроме этого, с *блохой* ассоциируются и два других основных значения: блохи МАЛЫ (мелкие), и на этом свойстве основана метафоризация: БЛЮХА = 'мелочь, мелочные придирки, мелкие ошибки', напр.:

Однако **мелочные придирки**, мелочное сведение счетов, *ловля блох* — ему претили. [Александр Борин. Воспоминания литератора // «Звезда», (2002)]

Читал районные газеты, *выискивал там «блох»*, приглашал редакторов районных газет на «задушевные беседы». [Александр Яковлев. Омут памяти. Т.1 (2001)]

Он сказал, что диссертация написана на уровне докторской, что она ему безумно понравилась и у него нет ни одного принципиального замечания — разве что *блох в тексте половить!* [Андрей Житков. Кафедра (2000)]

К семантическому ядру относится и понятие МНОГО ('много развелось кого-то, чего-то'):

Уж и подлинно, должно быть, *нас ровно блох развелось*. Выгоняют-выгоняют нашего брата, выгоняют, кажется, так, что и места нигде не найдешь, а смотришь: все-таки место свято пусто не будет; куда! на одно-то место человек двадцать лезет. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856-1857)]

У нас теперь по большим-то по дорогам трактиров этих *развелось, что блох в овечьей шубе*. [И. С. Тургенев. Новь (1877)]

Эх, знавал я магов черных и белых, не нынешних шарлатанов, коих *развелось, как блох на моей собаке*. [Василий Пригодич. Нечто и ничто (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.06.16]

О характере внутренней формы ФЕ с компонентом *блоха* опосредованно могут свидетельствовать и индивидуальные случаи употребления, коннотации, напр.:

Администратор шёл и наблюдал себя в зеркало, багрового, со сжатыми губами, согнутого семенящего паренька и „бабетту” со вспухшим носом. „*Блохастик*, – подумал он *ласково*. – Вот ведь попался блохастик”. „Подвергнув штрафу” и выдав квитанцию, он отпустил их в зал. [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]

Трудно представить себе в русском языке окказионализм типа **вишивастик* с уменьшительным суффиксом, о котором можно подумать *ласково*, как в приведенном здесь тексте. *Вошь, вишивый* – судя по нашему материалу – в русском языке не имеет положительных коннотаций, в то время как у слова *блоха* (и не только в русском языке) такие ассоциативные связи возникать могут. Таким примером может послужить и современное использование чешской идиомы (*být šťastný jako blecha* с дословным значением 'быть счастливым как блоха'):

Líbí se mi, jak se na mě díváš, vždycky mě tím svým pohledem rozehříváš. *Jsem šťastnej jako blecha*, že tě mám, přání ke Dni žen ti z lásky posílám.

A pamatuji se na kontaktní čočky, když jsem je poprvé dala do očí... i kdyby to bolelo sebevíc, *byla jsem šťastná, jako blecha.*

Этимологическая связь с ПЕ, известными разным славянским языкам, со значением 'быть счастливым / довольным как блоха в шубе / овечьей шкуре', в представлениях современных носителей языка чешского языка явно утрачена, но позитивная коннотация сохраняется. Иначе говоря: чех сегодня не знает, почему *блоха счастлива*, но свое собственное состояние удовлетворения/удовольствия он без колебаний ассоциирует с этим образом. Наоборот, быть **счастливым как вошь* в чешском языке невозможно, более того: сильно пейоративное существительное *všivák* (производное от *voš/věš*) означает просто: 'негодяй, мерзавец', равно как и прилагательное *všivý* имеет исключительно переносное значение 'плохой, негодный', и позитивные ассоциации с ним невозможны.

В свете приведенных данных очевидно, что между внутренним образом обоих паразитов в русском языке (и, очевидно, во многих других) имеется значительная разница. Если к мерзавцу, **ничтожному, презираемому кем-л. человеку** (см. выше) в русском языке применимо слово *вошь*, то слово *блоха* в данном значении нетипично. Блоха может вызвать и уважение, а вошь – нет.

7. ИДИОМАТИКА И ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ („ЛЕВША“)

В русской фразеологии, культурологии и лингвострановедении БЛОХА имеет и еще одно особое и достаточно весомое место: она стала одновременно и символом многовекового противостояния ВОСТОКА и ЗАПАДА (Руси/России и Европы), и символом талантливости русского народа, и символом его горестной судьбы. Живущая одновременно и как народный сказ, и как литературный образ, и как миф, и как анекдот, подкованная на все ноги русским умельцем Левшой стальная блоха началась с присказки: «Англичане из стали блоху сделали, а наши туляки ее подковали и им назад отослали».

От известной повести Н.С. Лескова о ЛЕВИШЕ (полное название: «Сказ о тальском косом Левше и о стальной блохе (Цеховая легенда)», впервые напечатано в 1881 г.) ведет начало идиома *блоху подковать*, которую мы обнаружим и сегодня в самых разных контекстах в значении 'виртуозно справиться с очень тонкой и сложной работой' (БТС 2004: 85); 'обнаружить удивительную изобретательность, выдумку в каком-л. деле' (БМС 1998: 49):

Когда в лаборатории конструировалась новая аппаратура и нужно было *подковать блоху*, козырным королём становился надменный механик Ноздрин. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]

Пусть знают наших, мы не только *блоху подковать* умеем, но и Билла Гейтса в придачу! [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]

Эта идиома „поднимает” глубокие пласты национальной культуры и истории, оставаясь при этом живой и актуальной в современном языке. Именно поэтому она может стать основой интересного лингводидактического урока в иностранной аудитории. Рассказав вначале о содержании самой повести, преподаватель акцентирует внимание на самых различных аспектах ее интерпретации. Так, виртуозность русских мастеров позволила им выйти победителями из „виртуального” соревнования (а, по выражению самого Н. Лескова, *англичан со-вершено посрамили и унизили*), но при этом крошечная стальная блоха, которая прежде могла танцевать, фактически была испорчена:

Англичане упрекают Левшу в незнании арифметики: дескать, если б вы подумали да рассчитали бы, то поняли, что нельзя блоху ковать, она танцевать не сможет. <...> Она [блоха] всего лишь иллюстрация столкновения Запада и Востока, порядка и ужаса, которые на самом деле навсегда перепутаны, как следы блохи на человеческом теле. [Владимир Березин. Другой способ чтения // «Октябрь», 2003]

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Специфичность фразеологии в том, что процесс идиоматической номинации („называния” материальных и духовных „объектов” окружающего нас, внеязыкового мира) выходит за рамки регулярного, действующего по правилам, языка. Многие специалисты считают, что одной из главных причин нерегулярности, аномальности фразем является наличие внутренней формы, которая играет основную роль и при реализации актуального значения ФЕ. Внутренняя форма рассматривается как образ, фиксированный в структуре значения фразем, но также осознаваемый носителем языка как образная мотивация. Влияние „энциклопедического“ и „наивного” знания на внутреннюю форму и на актуальное значение ФЕ надо рассматривать в общем контексте идиоматизации, которая является универсальной способностью языка аномальным, нетривиальным, экономичным образом выразить заданный смысл. При многообразии как языковых, метафорическо-идиоматических связей, которыми „обрастают“ определенные лексемы в течение своей истории, так и внеязыковых, „энциклопедических“ связей, сознание носителей языка пропускает их через своеобразный фильтр. Примеры идиоматического использования зооним *блоха* и *вошь* в русском языке показали, что внутренний образ сложен, что это комплекс многих „отфильтрованных” элементов знания, которые специфическим образом „отстоялись” в устойчивых формах фразем и идиом.

Обобщая анализ специфики внутренней формы ФЕ, можно сказать, что *блоха* и *вошь* связаны в народных представлениях с реальными жизненными ситуациями, отражают действительно близкий (многовековой) опыт общения людей с этими насекомыми. Это, однако, никак не касается ни возможности использования паразитов в качестве бактериологического оружия, ни их роли в

галантной жизни дам во времена барокко и т.п. Иначе говоря, ни исторические факты, ни сведения по медицине не находят отражения в представлениях о блохах и вшах, идиоматически зафиксированных в русском языке. Данный фрагмент языковой картины мира русских основан не на научных (энциклопедических), а на иных видах знания. Это – общий вывод из анализа данных. Вывод частный и, пожалуй, более интересный и важный, заключается в том, что русский язык достаточно четко дифференцирует разницу между языковым образом *блох* и *вшей*: если первое насекомое, при всей „неблаговидности” своей паразитической деятельности (срав. даже у А. С. Пушкина: *Блохи, которые гораздо опаснее шакалов, напали на меня и во всю ночь не дали мне покою. Путешествие в Арзрум.*), оваяно неким „шуточным ореолом уважения” (образ блохи в паремиях, в прецедентных текстах: „Левша” Н. Лескова, „Блоха” Ф. Шаляпина и др.), то *вошь* и *вшивость* несут в себе лишь ярко выраженные отрицательные коннотации. Отсюда и некорректность дефиниций, смешивающих переносное значение обеих лексем в толковых словарях (к ’мерзавцу, ничтожному, презираемому кем-л. человеку’ слово *блоха* не применимо). Отдельным людям, их группам, и даже фразеологам, иногда свойственно ошибаться. Язык же, как наше коллективное сознание, себе этого позволить не может.

ЛИТЕРАТУРА

- Baranov; Dobrovol'skij 2008 = Баранов, Анатолий Н.; Добровольский, Дмитрий О. 2008. *Аспекты теории фразеологии*. Москва: РАН – Знак.
- Mokienko 2012 = Мокиенко, Валерий М. 2012. Фразеологическое пространство и время: картина мира или кривое зеркало? У: *Фразеология во времени и пространстве / Die Phraseologie in Raum und Zeit*. Walter, Harry et al. (red.). Greifswald: Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald. 15–20.
- Piirainen, Elisabeth. 2012. *Widespread Idioms in Europe and Beyond*. New York – Berlin etc.: Peter Lang.
- Fedosov 2002a = Федосов, Олег. 2002. Венгерско-немецко-чешские фразеологические параллели (на фоне актуальных проблем русской фразеологии). *Rossica Olomuncensia XL*. 385–396.
- Fedosov 2002b = Федосов, Олег. 2002. Передвигаются ли границы фразеологии? (О т.н. „лексических фраземах” на материале русского, чешского и венгерского языков). У: *Slowo. Tekst. Czas – VI. Nowa frazeologia w nowej Europie*. Aleksienko, Mihail A. et al. (red.). Szczecin – Greifswald: Uniwersytet Szczeciński. 545–559.
- Čermák, František. 2007. Idioms and morphology. У: *Phraseologie /Phraseology: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung /An International Handbook of Contemporary Research*. Burger, Harald (red.). Berlin – New York: 20–26.

СЛОВАРИ

- Bárdosi, Vilmos. 2003. *Magyar szólástár*. Budapest: TINTA.
- Bierich; Mokienko; Stepanova 1998 = Бирих, Александр К.; Мокиенко, Валерий М.; Степанова, Людмила И. 1998. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс. [БМС]
2010. *Большой словарь русских пословиц*. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп» [БСРП]
- BTS 2004 = *Большой толковый словарь русского языка*. 2004. Кузнецов, Сергей А. (ред.). Санкт-Петербург: Норинт. [БТС]
- Machek, Václav. 1997. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: NLN – Nakladatelství Lidové noviny.
- Menac, Antica; Fink-Arsovski, Željka; Venturin, Radomir. 2003. *Hrvatski frazeološki rječnik*. Zagreb: Naklada Ljevak.
- Mokienko; Nikitina; Nikolaeva 2010 = Мокиенко, Валерий М.; Никитина, Татьяна Г.; Николаева, Елена К.
- Forgács, Tamás. 2003. *Magyar szólások és közmondások szótára*. Budapest: TINTA.
- Stěpanova, Ludmila. 2007. *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: UP.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Belikov 2008 = Беликов, Владимир И. 2008. *Паремии как объект лексикографии*. Диалог. <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/7.htm> 2013/10/23
- Источник. http://polit.ru/article/2014/03/01/ps_insect2/

SAŽETAK

UŠ NA LASU, BUHA NA LANCU
(UNUTARNJA FORMA ZONIMSKIH FRAZEMA)

U radu se proučavaju ruski zoonimski frazemi sa sastavnicom *uš* (rus. *вошь*) i *buha* (rus. *блоха*). Paraziti krvopije *uš* i *buha* više su milijuna godina prisutni među najstarijim stanovnicima planeta – insektima. Njihova se „tjelesna bliskost” ljudskoj civilizaciji odrazila u brojnim frazeološkim i paremiološkim jedinicama ruskog jezika, te u precedentnim književnim tekstovima. Ovdje se postavlja pitanje o unutarnoj formi frazema s navedenim sastavnicama, kao i o tome utječe li slika *parazita* na oblikovanje aktualnog značenja u suvremenom diskursu. Vidjet ćemo i zašto su u Rusiji krenule glasine da je predsjednik Medvedev „блох в свитере завел” (*блог в Твиттере завел*) i da je često jedan korak između tragičnog i smiješnog. Ruski će se frazeološki materijal analizirati u usporedbi s drugim jezicima, slavenskim i neslavenskim.

Ključne riječi: *zoonimi, paraziti i ljudi, unutarinja forma frazema, aktualno značenje frazema*

